

Жизнь как призвание

Выступление Давиде Проспери и отца Хулиана Каррона на Дне начала года СЛ.
Медиоланум Форум, Ассаго (Милан), 29 сентября 2012 г.

Хулиан Каррон

«Когда же придет Он, Дух истины, то наставит вас на всякую истину (Ин 16, 13). Иисус обещает нам: Святой Дух приведет нас к истине во всей ее полноте. Почему мы в этом нуждаемся? Потому что истина повсеместно сужается, сводится к идеологии. И мы тоже постоянно рискуем узко смотреть на реальность и на самих себя, воспринимать таким образом себя и христианское событие, переживать призвание. Не сужать истину и самих себя – это благодать, о которой мы должны просить, которую нужно вымалывать у Того, на Кого указал нам Сам Христос, – у Духа Святого. Только Он может привести нас к подлинному самосознанию, в котором сегодня мы жизненно нуждаемся. Поэтому начнем нашу встречу, призывая Святого Духа.

Снизойди, Дух Святой

Il mio volto

Давиде Проспери

Прежде всего приветствую присутствующих здесь, в Ассаго, а также тех, кто по видеотрансляции присоединился к нам в других городах Италии и за границей.

Мы вновь решили начать год вместе, и в этом каждый раз есть нечто новое, объяснимое лишь тем Присутствием, которое мы, собираясь, утверждаем, чтобы продолжить совместный путь. Цель нашей встречи не столько в том, чтобы обозначить какие-то новые слова; прежде всего она должна помочь нам не потерять вкус к пути. Год назад Хулиан Каррон вспоминал фразу, сказанную отцом Джуссани: «Вопрос в том, каков фактор, лежащий в основе всего сущего; и первое слово, которым определяется все сущее, – это слово “присутствие”. Но мы не привыкли видеть присутствие в листке, в цветке, в человеке, – мы не привыкли смотреть на явленные нам вещи как на присутствие» (Милан, 1 февраля 1995 г.). Сегодня мы здесь как раз затем, чтобы помочь друг другу это присутствие признать.

В первую очередь скажу, что самым значимым событием из всех пережитых нами за последний год было начало процесса беатификации отца Джуссани. Я называю его самым значимым, так как оно очевидным образом позволило осознать, *что* произошло с нами, когда мы встретили харизму, дарованную Джуссани. Мы призваны осознать: то, что наполнило жизнь многих людей, встретивших Движение, не является сугубо нашим достоянием, а предназначено для всей Церкви и всего мира.

В этом смысле мне стала яснее наша задача по отношению к харизме. Она состоит вовсе не в том, чтобы развивать мысль Джуссани, его учение; напротив, прошедший год показал: наш вклад в жизнь мира заключается прежде всего в переживаемом нами опыте и в суждении о происходящем, поскольку истинность этого суждения проявляется через испытания, через обстоятельства, которые дает нам Бог.

Отец Джуссани напоминал нам: «Обстоятельства, через которые ведет нас Бог, являются первоочередным (а не второстепенным) фактором нашего призвания, той миссии, к которой Он призывает нас» (L. Giussani. L'uomo e il suo destino. In cammino. Marietti, Genova 1999, p. 63). И в связи с этим на духовных упражнениях Братства отец Каррон подчеркивал:

«Господь, пребывающий в истории постоянно, в середине XX века пожелал пробудить определенную харизму как путь познания Христа, соответствующий нынешней культурной ситуации, где культурный *гумус* (лат. *humus* – почва), принесенный в Европу Просвещением, в значительной степени определяет наше переживание реальности и веры, сводя его к чувствам, наносному благочестию или этике. Именно поэтому так значима история отца Джуссани: он жил в тех же обстоятельствах, что и мы, был вынужден отвечать на те же вызовы, встречаться с теми же рисками, – ему самому пришлось проделать определенный путь» (Ср. Х. Каррон. Уже не я живу, но живет во мне Христос. Духовные упражнения Братства CL. 2012. С. 20).

Вот, в моем понимании, первая наша задача: решиться проделать тот же путь, приняв его всерьез до конца и не делая себе поблажек. И наша уверенность на этом пути подкрепляется не столько тем, что мы понимаем (или, еще хуже, думаем, будто понимаем) слова, которые были нам сказаны; мы шагаем уверенно, поскольку охвачены, увлечены всеобъемлющей истиной – она увлекла нас за собой, когда мы встретили этого человека и все, что от него родилось. Как недавно говорил Бенедикт XVI своим бывшим студентам в Кастель-Гандольфо, каждый из нас может свести христианство, веру к набору правильных слов, будто они и есть и истина, и мы полагаем, будто обладаем ею, за что нам нередко указывают на отсутствие толерантности. Папа замечает: «Когда другие нас в этом упрекают, они вовсе не ошибаются: никто не может обладать истиной, но истина обладает нами, она – нечто живое [опыт]! Мы не владельцы истины, мы охвачены ею, и только если позволим ей вести нас и править нами, то сами пребудем в ней, станем *паломниками истины*» (Бенедикт XVI. Проповедь на заключительной Мессе во время собрания студенческого кружка *Ratzinger Schülerkreis*, Кастель-Гандольфо, 2 сентября 2012 г.).

Оглядываясь сейчас на весь путь, начавшийся со дня начала года и проходивший через работу на школе общины вплоть до упражнений Братства, мы замечаем, что его содержанием было прежде всего суждение о полученном опыте, а вовсе не призыв занять ту или иную позицию. Мы пережили множество обстоятельств, которые стали для нас испытанием, поставили вопрос о нашей позиции: остается ли в нас связь с корнями, с истоком того, что привлекло нас, или же на первое место выходит аналитический подход и наши реакции – и мы полностью оказываемся в их власти.

Подумаем об экономическом кризисе: так или иначе он затронул всех, некоторые из нас понесли колоссальные потери. И все же мы попытались вынести суждение, соответствующее нашей истории, и оно отразилось в документе «Кризис: призыв к изменению», став (неожиданно даже для многих из нас) фактором присутствия и поводом к встрече со множеством людей, которые не хотят останавливаться перед трудностями. И путь еще продолжается, но прежде всего я хочу подчеркнуть, что документ сработал как пружина, которая привела в движение нас самих. Перед лицом событий, происходивших на наших глазах, мы продолжали утверждать положительность реальности. И дело не в наивности: мы видим среди нас многих людей, свидетельствующих о том, что реальность – в том виде, в каком она перед нами предстает, уже в силу самого факта своего существования – является огромным вызовом и дает возможность для изменения, для улучшения, потому что она больше нас. Поэтому есть надежда. И если мы хотим быть реалистами, то не должны стремиться свести все происходящее к нашей мере, к изведенным границам, к точке равновесия; чтобы расти, нужно открываться.

После мы стали свидетелями обострения медийной агрессии, в том числе непосредственно в адрес CL, которая последовала за политическими дискуссиями. В сложившейся ситуации письмо Каррона, опубликованное 1 мая в газете *La Repubblica*, потрясло всех – как вне Движения, так и внутри него. Оно ясно выражало, в чем заключается настоящая проблема. В этом году мы часто повторяли утверждение отца Джуссани: «Когда

враждебное нам общество все сильнее сжимает нас своей железной хваткой, угрожая в конечном счете любому живому выражению личности; когда господствующие культурные и общественные установки стремятся проникнуть в наши сердца, пробуждая в них уже от природы существующую неуверенность, <...> значит, пришло время личности». В общей атмосфере подозрительности, злобы и даже лжи письмо, напечатанное на страницах одного из изданий, наиболее далеко отстоящих от нас по настрою мысли, открыло путь к новому взгляду, новому восприятию обстоятельств, которые даны нам для созидания блага. Подлинное суждение не всегда лежит на поверхности, но никогда не позволяет нам оставаться на месте. «Следовательно, – писал отец Каррон, – мы не можем предложить другого прочтения фактов, кроме того, что они являются сильным призывом очиститься и обратиться к Тому, Кто привлек нас к Себе. Именно Он, Его присутствие, Его неустанный стук в дверь нашего забвения и рассеянности пробуждает в нас желание принадлежать Ему». Ни одно суждение мира не способно одержать верх над утверждением о нашей принадлежности: мы принадлежим Ему.

Незадолго до Рождества одна подруга рассказывала, как однажды ее двенадцатилетняя дочь вернулась домой в некотором волнении. В школе проходил рождественский праздник, и девочку поразил один из ее одноклассников, недавно потерявший отца. Она постоянно видела его радостным и потому призналась маме: «Не знаю, смогла ли бы я быть счастливой на его месте». Тогда ее мама попыталась (как часто поступают мамы) «принять меры предосторожности», объяснив, что у этого мальчика замечательная мать, что он ни в чем не будет испытывать недостатка, и так далее. Но всех этих объяснений, пусть даже и правомерных, девочке было недостаточно. Она увидела что-то более истинное, ее детская простота позволила ей дойти до глубины, оставив в ней рану. Тайна словно приоткрыла в ней щель и показалась ей. Девочка признала в своем друге невообразимое величие, увидела, что у него есть судьба! И тут же задалась вопросом о себе самой, ведь у нее тоже есть судьба.

В этом году мы провели Митинг в Римини, чтобы сказать всем, о какой судьбе речь: природа человека, его состав, то, ради чего он встает с постели по утрам и принимает все вызовы, с которыми ему приходится встречаться, его величие – это отношение с бесконечностью.

Таким образом мы понимаем: Бог дал нам этот год, чтобы мы лучше осознали, кем являемся, к какому идеалу привязаны и чем живем; это прояснилось для нас через обстоятельства, которые были нам даны – даже те, которых в первый момент мы не желали.

Именно поэтому, начиная новый год, мы спрашиваем: в чем смысл всего случившегося с нами? За счет чего мы можем научиться видеть то, что несут в себе обстоятельства и что зачастую нам так трудно распознать? Мы ощущаем особую остроту этого вопроса, поскольку, когда не знаешь истинного содержания вещей, путь к свершению судьбы становится очень тяжелым.

Хулиан Каррон

Прежде всего, надеюсь, каждый вернется к словам Давиде, они свидетельствуют нам о том, что значит проделывать путь, и сжато выражают суть уже пройденного отрезка, помогая тем самым осознанно зафиксировать его в памяти, чтобы не потерять пережитое.

Как связаны события, которые произошли и продолжают происходить, с безотлагательной потребностью научиться видеть то, что несут в себе обстоятельства и что зачастую нам так трудно распознать? Мы ощущаем особую остроту этого вопроса, поскольку, когда не знаешь истинного содержания вещей, путь к свершению судьбы становится очень тяжелым.

1. То, чем мы стоим, и обстоятельства жизни

Тот факт, что нам трудно научиться смотреть вглубь обстоятельств, связан с «господствующими культурными и общественными установками», которые «стремятся проникнуть в наши сердца» (*È venuto il tempo della persona*, p. 11). Поразительно, что Бенедикт XVI, обращаясь к Итальянской конференции епископов, в начале выступления заострил внимание именно на этой тенденции к умалению, никогда не остающейся без последствий: «Естественнонаучный рационализм и культура высоких технологий характеризуются не только взглядом на мир, который нивелирует в нем какие-либо различия, зачастую они и вовсе выходят за пределы сферы науки и техники, претендуя на то, чтобы очертить границы достоверного лишь эмпирическими данными. Тогда мерилom любых действий оказываются человеческие способности, свободные от нравственных норм. <...> Духовное и нравственное достояние, в которое уходит корнями и которым подпитывается Запад, сегодня уже не воспринимается во всей своей глубине – вплоть до того, что мы не признаем в нем окончательной истины. Велик риск, что даже плодородная почва превратится в дикую пустыню, а доброе семя будет задушено, затоптано и затеряно» (Бенедикт XVI. Выступление перед Ассамблеей Итальянской конференции епископов, 24 мая 2012 г.).

Что может пошатнуть подобное суженное понимание разума? Ему бросает вызов сама реальность, обстоятельства, как указывал нам отец Джуссани в десятой главе «Религиозного чувства» (помните эти слова): вопросы разума пробуждаются при столкновении с реальностью. «Жизнь представляет собой сплетение обстоятельств, которые, окружая, затрагивают тебя и бросают вызов (“вызов” – здесь содержится тот же корень, что и в самом прекрасном христианском слове, описывающем жизнь: “призвание”»)» (L. Giussani. *Certi di alcune grandi cose*. 1979–1981. Bur, Milano 2007, p. 387).

Об этом свидетельствуют многие, прочитаю лишь несколько писем.

«Я работаю психологом в больнице и постоянно имею дело с беременными. Одна семейная пара долгое время мечтала иметь ребенка, и вот наконец в феврале наступает долгожданная беременность. Через месяц у женщины обнаруживается рак легких с обширными метастазами. Сообщая об этом, врачи практически не дают ей надежды на выживание. После советуют прервать беременность. Прежде чем познакомиться с пациенткой, я встретила акушерку, которая сообщила мне, что весь медперсонал старался как можно меньше бывать в ее палате, потому что это слишком тяжело. Один из гинекологов признался: “Я посещаю ее только в крайне необходимых случаях, поскольку исход уже известен”. В первый раз встретившись с этой женщиной, я, как обычно, рассказала ей об услугах, предоставляемых больницей, но чувствовала, что сама нахожусь в сильном замешательстве, и пробыла у нее совсем немного. На следующий раз я вошла, еле сдерживая дрожь, и осталась с ней наедине. Она рассказала мне о себе, об острой боли во всем теле, о том, что не может понять, как после такого чуда (долгожданной беременности) ей могло быть послано такое наказание (рак в стадии метастазов). Чем дольше я слушала ее, тем сильнее ощущала, что мой белый халат уже не защищает меня: мне словно не за что ухватиться, во мне открываются те же самые вопросы, тот же самый крик. Выходя из палаты, я уношу его с собой и начинаю понимать: мой профессионализм здесь ни при чем, это что-то большее [мы думаем разрешить все проблемы при помощи естественнонаучного рационализма, но реальность подталкивает нас дальше, бросает нам вызов, пробуждая те же вопросы: есть что-то большее!]. Беременность и болезнь этой женщины заставляют меня осознать мою собственную нуждающуюся человечность – в тот момент, когда я исполняю свои профессиональные обязанности».

Причина, по которой обстоятельства имеют ценность, проста: «Бог ничего не делает случайно» (L. Giussani. *Qui e ora*. 1984–1985. Bur, Milano 2009, p. 446). Вот единственное

верное прочтение реальности, обстоятельств, мы же часто теряемся в разгадывании закулисных игр и поисках скрытых смыслов. Обстоятельства – положительные или отрицательные, любые – это способ, которым Тайна призывает нас. Они вовсе не несчастье, которое нужно перетерпеть, – а именно к этому их зачастую сводит наша мера (то есть наш рационализм). У них есть определенная цель в замысле Бога.

Какова эта цель?

Она становится ясной, если мы исходим из того понимания реальности, о котором нам неустанно свидетельствовал отец Джуссани. Вспомним, о чем он говорил в 1968-м, когда вызов, стоявший перед Движением, был еще более острым, нежели сейчас: «Все, что допускает Бог в жизни тех, кого призывает, служит лишь одной цели: их зрелости, взрослению. Это касается, прежде всего, жизни человека, но в конечном итоге то же происходит и на более глубоком уровне, в жизни Его Церкви, а поэтому и в жизни любой общины. <...> Все, что допускает Бог, служит нашей зрелости, нашему взрослению. Более того [вот тест, с помощью которого Джуссани предлагает проверить, взрослеем ли мы], именно способность каждого из нас и любого церковного образования (семьи, общины, прихода, Церкви вообще) видеть в том, что на первый взгляд предстает как возражение, преследование или просто препятствие, путь для возрастания зрелости, способность поставить все эти обстоятельства на службу взрослению свидетельствует об истине веры» (Ср. Л. Джуссани, «Долгий путь к зрелости». След, 2008, № 3).

В чем, следовательно, состоит наше взросление? Речь идет о взрослении самосознания, о порождении субъекта, способного твердо стоять на ногах в любых жизненных ситуациях. Обстоятельства вносят в нашу жизнь борьбу: «Именно борьба поддерживает в нас бодрствование духа. Она образует нормальное развитие жизни; через бодрствование в нас зреет осознание того, *чем мы стоим*, в чем наше достоинство: в Ином» (Certi di alcune grandi cose. 1979–1981, p. 389). Значит, обстоятельства даны нам, чтобы в нас зрело осознание того, *чем мы стоим*, чтобы мы действительно осознали, что нашу суть составляет Иной.

Как мы обычно подходим к этим вызовам? Достаточно сравнить наше обычное поведение с тем, о чем поется в песне *Il mio volto*, которую мы только что слышали, и принять всерьез результаты этого сравнения. В последнее время я часто думаю: практически невозможно представить, чтобы кто-то из нас написал эту песню сегодня. «Мой Бог, я смотрю на себя и вижу, что у меня нет лица, гляжу вглубь себя и вижу бесконечную темноту [проверьте, что делаем мы, когда видим бесконечную темноту, как мы к ней подходим, как реагируем, как беспокоимся – и сравните это с тем, о чем дальше говорит песня]. И только когда я замечаю, что Ты есть, то вновь слышу свой голос, как эхо, и возрождаюсь» (Песенник. М.: Духовная библиотека, 2006. С. 152–153). Как часто перед лицом темноты каждый из нас проделывает подобный путь? И, напротив, как часто мы, увидев темноту, начинаем беспокойно искать опору где-то за пределами своего опыта, стремимся хоть за что-нибудь ухватиться! Поэтому мне хочется спросить: кто мог бы написать сегодня такую песню? А представьте, если бы всякий раз, достигнув темноты, мы проделывали тот путь, о котором здесь говорится: не оставаясь в рамках суженного разума, смотрели бы вглубь и признавали «Ты», которое находится в глубине любой темноты. Какое самосознание мы обретали бы таким образом! Как мог бы каждый из нас переживать истину о себе самом – человеке, которого не определяет темнота, который не должен постоянно избегать темноты, потому что там, в глубине темноты, в глубине реальности, в глубине себя самого он встретил то, *чем он стоит!* И откуда мы это узнаем? Не от того, что у нас меняются мысли и чувства. Нет, я узнаю это из реального факта: «Я возрождаюсь».

Об этом говорится еще в одном письме: «Дорогой отец Хулиан, по мере того, как я следую за тобой, моя жизнь с каждым днем становится все более увлекательной. Каждое мгновение, когда я осознаю, кем я являюсь и что такое отношение с Господом, Который

единственный дает мне крепость и радость, становится возможностью идти к свершению моей жизни. Я домохозяйка, у меня трое детей; при этом я большая искательница приключений. Я никогда не чувствовала себя зажатой в тисках одиночества, неизбежного при моем образе жизни, и тяжести работы, которой никто не видит (когда я меняю пеленки или грею детям молоко: доверяя истине того, что ты всегда говоришь нам (и что всегда говорил нам отец Джуссани), всякий раз, когда на горизонте появляется хотя бы тень подавленности или лжи, я думаю о тебе, думаю о моем “я”, о Тем, Кто творит его в данный момент, и сразу же открываю исключительную и великую связь, составляющую меня, и все встает на свои места, и я дышу свежим воздухом своей свободы, свежим воздухом Его присутствия. Хочу лишь поблагодарить тебя, поскольку в эти годы я действительно начинаю узнавать отца Джуссани и следовать за ним, и не проходит и дня, когда я не прошу, чтобы каждое обстоятельство – осмелюсь сказать, даже мое зло, мой грех – открывало мне возможность совершить уверенный и осознанный шаг на пути к моей судьбе. Это великая надежда для меня, для близких мне людей и для всего мира».

Понимаете теперь, почему обстоятельства являются важнейшей составной частью призвания: они бросают нам вызов. Иногда, если бы я не оказывался перед лицом кромешной темноты, я мог бы жить, не замечая Тайны, не ощущая потребности действительно осознать, в чем я состою, осознать, что Он есть, – и таким образом возродиться. «Самосознание – способность размышлять о себе, доходя до самой глубины [что вовсе не значит остаться на уровне психологической интроспекции]. Но если человек размышляет о себе, осознанно доходя до самой глубины, он встречается Иного, потому что, говоря “я” сознательно, я замечаю, что не творю себя сам» (Собрание священников, 9–16 сентября 1967 г., Верна). Каким образом я понимаю, что не остановился на полпути, что достиг этого Иного? Благодаря размышлениям? Чувствам? Самоубеждению? Я осознаю это, когда возрождаюсь!

Мне хочется спросить: как часто за последний период, когда обстоятельства поставили нас перед таким количеством вызовов, мы проделывали этот путь вплоть до возрождения в признании «Ты»? Признаюсь, мне пришлось совершать его бесконечное число раз, иначе, уверяю вас, меня бы уже здесь не было. Человек может уехать на другой конец мира, и там ему придет на почту письмо с последней статьей из газеты, которая поливает нас грязью, и у него нет отходных путей: либо он позволит, чтобы весь его день определяла реакция на прочитанное, либо вновь начнет совершать путь и еще раз признает, что он – не то, что говорят о нем газеты, а связь с Тем, Кто творит его. В любых обстоятельствах, перед любыми вызовами (которые не прекращаются) я вынужден решать, искать ли прибежища в жалобах или смотреть на все как на возможность, через которую Тайна призывает меня к обновлению моего самосознания.

Проблема не в том, чтобы исчезла темнота, чтобы кто-то избавил нас от нападков извне; «наша настоящая проблема – выйти из незрелости» (Ср. Л. Джуссани. Долгий путь к зрелости. След, 2008, № 3), то есть начать произносить «я» как люди, действительно осознающие, кем они являются. Поэтому мы говорим о времени личности. Наша незрелость не порождается – как мы часто думаем – другими людьми, или обстоятельствами, или нападениями, с которыми нам приходится сталкиваться. Не будем сбивать друг друга с толку: другие не в силах породить нашу незрелость, они лишь обнажают то, что есть, позволяют нам понять, до какой степени мы несостоятельны; они заставляют нас осознать, что зачастую нас более определяют обстоятельства, чем наше самосознание. Поэтому вопрос не в том, чтобы жаловаться на обстоятельства (сколько времени мы теряем на эти бесплодные жалобы!), – необходимо выйти из состояния незрелости.

Господь желает позволить нам преодолеть незрелость, порождая в нас человека, который столь твердо стоит на ногах, что способен встретить любую темноту, любые

обстоятельства, любую проблему. Иначе мы не останемся в реальности, будем избегать ее, как происходит повсюду: врачи уже не входят в палаты больных, потому что там «слишком много» реальности. Сможем ли мы устоять перед всеми вызовами, не имея соответствующей опоры?

Так в нашу жизнь проникает иной взгляд на обстоятельства, и мы понимаем, в чем смысл нашей жизни как призвания: «Жить призванием – значит стремиться к судьбе, ради которой создана жизнь. Эта судьба – Тайна, ее невозможно описать или вообразить. Судьба определяется Тайной, которая дает нам жизнь. Проживать жизнь как призвание значит стремиться к Тайне через все обстоятельства, по которым Господь ведет нас, отвечая на них <...> значит идти к судьбе, обнимая все обстоятельства, через которые судьба ведет нас» (L. Giussani. *Realtà e giovinezza. La sfida*, SEI, Torino 1995, pp. 49–50). Не те, которые выбираем мы, словно мы можем что-то выбрать, а все.

Господь ведет нас к судьбе через обстоятельства, и в этом есть что-то таинственное; Библия постоянно напоминает нам: «Мои пути – не ваши пути» (Ср. Ис 55, 8). Когда мы внимательны, то замечаем парадоксальный факт: это настолько помогает рождению в нас личности, что иначе мы потерялись бы в самых банальных вещах, впали бы в самую поверхностную забывчивость, в самое ужасное умаление. Все обстоятельства, через которые Тайна ведет нас к судьбе, существуют для того, чтобы пробудить нас, чтобы сделать личность способной к переживанию любой ситуации. Так проверяется вера, выходит на поверхность истина христианского события: способно ли христианство породить устойчивую личность, человека, живущего не вне реальности, не в закрытой комнате, а в реальности со всеми ее вызовами? И в чем крепость, в чем сила «я»? Где она находится? Сила «я» лишь в самосознании. Поэтому все обстоятельства, через которые Господь заставляет нас проходить, даны для того, чтобы в нас зрело «самосознание, ясное восприятие самих себя, исполненное любви к себе и сознания своей судьбы, способное на истинную привязанность к себе, свободное от инстинктивного и тупого самолюбия. Если мы теряем эту идентичность, ничто не идет нам на пользу» (È venuto il tempo della persona, p. 12).

2. Составляющие нашего самосознания

О том, каковы составляющие нашего самосознания, нам напомнил Папа в Послании участникам Митинга в Римини.

а. Изначальная зависимость: «творение»

«Говорить о человеке и о его неутолимой жажде бесконечности – значит в первую очередь признавать составляющее его отношение с Творцом. Человек – творение Божие [мы знаем эти фразы, все мы – и я в первую очередь, но, если мы не открываем их для себя через обстоятельства нашей жизни, они так и останутся в кладовке для бесполезных знаний, а мы так и будем терять равновесие при столкновении с любым обстоятельством; поэтому прошу вас (прошу об этом и для себя самого) не поддаваться искушению считать, что мы уже все знаем. Мы ничего не знаем! Иначе мы жили бы с такой насыщенностью, о какой часто можем лишь мечтать!]. Сегодня это слово – «творение» – кажется практически вышедшим из моды, предпочтительнее думать, что человек совершенен сам в себе и является единоличным творцом своей судьбы. Восприятие человека как творения кажется «неудобным», поскольку настойчиво отсылает нас к чему-то или, лучше сказать, Кому-то другому, неподвластному манипуляциям со стороны человека, приходящему, чтобы сущностным образом определить его личность – личность, находящуюся в отношении и характеризующуюся прежде всего изначальной и онтологической зависимостью от Того, Кто нас возжелал и создал». Этого не

может отнять у нас никто: ни обстоятельства, ни власть, ни нападки, поскольку эта черта составляет истину о нас самих куда больше, чем мысли, чувства, реакции – наши или других людей. Другие не могут установить, чем мы являемся; мы являемся изначально зависимостью и, не осознавая ее, оказываемся во власти всего остального – на работе, в отношениях, когда встречаемся с друзьями, когда читаем газеты, когда находимся одни. «Однако, – подчеркивает Бенедикт XVI, – зависимость эта, от которой современные люди хотят избавиться, не только не прячет и не уменьшает, а, наоборот, ярким образом проявляет величие и высшее достоинство человека, призванного к жизни для того, чтобы войти в отношении с самой Жизнью, с Богом» (Бенедикт XVI. Послание участникам XXXIII Митинга дружбы народов в Римини, 10 августа 2012 г.).

«А как же быть в первородном грехом?» – часто хочется нам спросить.

Папа продолжает: «Первородный грех коренится именно в том, что наши прародители порвали это составляющее их отношение и захотели поставить себя на место Бога, поверили, что они справятся без Него. Но даже после греха в человеке остается мучительное желание этого диалога [то есть желание дышать, желание выбраться из бетонного здания без окон], словно Сам Творец выжиг клеймо в его душе и плоти. <...> “Боже! Ты Бог мой, Тебя от ранней зари ищу я; Тебя жаждет душа моя, по Тебе томится плоть моя в земле пустой, иссохшей и безводной”. <...> Не только моя душа, но каждая частица моей плоти создана для того, чтобы обрести мир, покой, свою реализацию в Боге. И от этого устремления сердцу невозможно избавиться: даже когда оно отвергает или отрицает Бога, жажда бесконечности, живущая в человеке, не исчезает. И тогда начинается тягостный и напрасный поиск “фальшивых бесконечностей”, способных принести хотя бы сиюминутное удовлетворение» (*Там же*). Тайна, любящая нас, настолько составляет наше существо, что даже все наше зло не позволяет нам приуменьшить эту жажду. И эта жажда кричит, кричит о Нем, кричит, что есть некая неизменная часть меня, которая остается, несмотря на всю мою рассеянность, на все мое зло, на все мои плутания. Жажда остается – ее нельзя отрицать, это данность: мы созданы для бесконечности. Бесконечность – наша судьба.

Эта данность – первая составляющая нашего самосознания, «ясного восприятия самих себя, исполненного любви к себе». Изначальная зависимость – истинный состав нас самих: мы являемся плодом исполненной любви действия Бога. Мы есть! Ни мои ошибки, ни рассеянность, ни обстоятельства, ни боль не могут устранить того факта, что я есть. И если я есть, то самим фактом моего существования Тайна вопиет: «Ты – действие Моей любви. Ты сотворяем сейчас через Меня, по Моему образу и подобию». И тогда обретает истинный масштаб та фраза, которая нам всем «известна» и позволила бы нам дышать полной грудью, если бы мы только осознавали ее: «И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его» (Быт 1, 27). Отец Джуссани говорит нам, что она является основанием для любви к себе (в то время как мы выпрашиваем крошек, падающих со стола какого-нибудь богача): «Любовь к себе не может быть обусловлена тем, *чем* мы являемся; она обусловлена самим *фактом* нашего существования, она рождается от обнаружения себя как дара, исходящего от чего-то иного, как благодати, изумления от бытия, как факта иного плана. Если первое действие Бога – это любовь к тебе, в чем тогда состоит непосредственное подражание Богу? Ты подражаешь Богу, когда любишь себя, желаешь своего бытия» (Встреча с *Memores Domini*, 8 октября 1983 г.). «Если в человеке нет любви, нет нежности по отношению к себе, он ни в чем не подражает Богу; если человек не подражает Богу в любви, он не сможет подражать Ему ни в чем ином, поскольку первое и главное, посредством чего Бог открывается человеку, – тот факт, что человек создан по образу и подобию Божию, и первое подобие – любить себя, потому что первое действие Бога по отношению к тебе – это любовь» (Встреча с *Memores Domini*, 3 мая 1987 г.).

Каждый может провести сравнение между своим сознанием и тем, что говорит отец

Джуссани, – не для того, чтобы в очередной раз пожаловаться на свою несостоятельность, а чтобы ощутить вкус обетования, вновь открыть возможность не потерять то, о чем мы говорим.

б. Христианское событие: «принадлежность Ему»

С нами произошел еще один факт, составляющий второй элемент нашего самосознания и позволяющий ответить на вопрос, который часто мы задаем себе и который Папа сформулировал следующим образом: «Не является ли структурно невозможным для человека жить на высоте собственного естества? И не является ли наказанием это стремление к бесконечности, которое он чувствует, но никогда не будет в состоянии полностью удовлетворить? Вопрос приводит нас прямо в сердце христианства. Сама Бесконечность именно для того, чтобы стать ответом, который человек смог бы познать на опыте [обратите внимание, какие слова он употребляет!], приняла конечную форму. С Воплощения, с того момента, когда Слово стало плотью, устранена непреодолимая дистанция между конечным и бесконечным: вечный Бог оставил Свои Небеса и вошел во временное пространство, погрузился в человеческую конечность» (Послание участникам XXXIII Митинга дружбы народов в Римини).

Откуда мы узнаем, что именно так и случилось, что это не пустые слова?

Как Иоанн и Андрей, мы были Им охвачены, и каждый из нас может сказать: «Никогда я не был настолько самим собой, как в тот момент, когда встретил Тебя». Таково содержание опыта жизни во Христе. Следовательно, вторая составляющая моего самосознания – Христос, Которого я встретил в жизни, Который заставил меня ощутить себя самого с насыщенностью, величием и полнотой, какие, как бы я ни пытался, не смог бы воспроизвести своими силами. Содержание моего самосознания, самоощущения таково: мое «я» – это Ты, Христос. Ты – это я, Ты – мое истинное «я». Поэтому содержание моего самосознания можно сжато выразить словами апостола Павла: «Уже не я живу, но живет во мне Христос» (Гал 2, 20). Каждый может проверить, насколько сознание Христа в нас определяет то, как мы проживаем день, – или же эта фраза, высеченная в граните, лишена для нас всякого реального опытного содержания.

Папа напоминает нам о радости и благодарности, которая переполняла жизнь первых христиан: «В самом деле, истоки христианства были таковы: избавление от мрака и хождения вслепую, от неведения (кто я? зачем я? куда мне идти?), освобождение, жизнь во свете, в полноте истины. Вот что господствовало в сознании первых христиан. Благодарность, которая сияла в них и объединяла людей, принадлежащих Церкви Иисуса Христа» (Проповедь на заключительной Мессе во время собрания студенческого кружка *Ratzinger Schülerkreis*). Мы знаем, насколько это сознание было свойственно отцу Джуссани, – даже кардинал Мартини сказал ему: «Когда ты говоришь, ты всегда возвращаешься к сути, то есть к Воплощению, и снова говоришь о нем тысячью разных способов» (*Цит. по Х. Каррон. Письмо по случаю кончины кардинала Мартини. Corriere della Sera, 4 сентября 2012 г.*). И каково было всякий раз его слышать!

Папа подводит нас к следствию: «Потому [после Воплощения] нет ничего ничтожного или незначительного на пути жизни и мира. Человек сотворен для бесконечного Бога, Который стал плотью, облекся в нашу человеческую природу, чтобы поднять ее на высоту Своего божественного бытия». Поразительно, как он продолжает: «Так мы открываем истинное измерение человеческого существования, к какому постоянно призывал слуга Божий Луиджи Джуссани: жизнь как призвание. Конечный смысл любой вещи, любого отношения, любого момента радости, равно как и любой трудности в том, что они являются возможностью для отношения с Бесконечностью, они голос Бога, постоянно зовущий нас

и приглашающий поднять взор, чтобы открыть в соединении с Ним полную реализацию нашей человечности» (Послание участникам XXXIII Митинга дружбы народов в Римини).

Понимаете? Переживать жизнь как призвание значит идти к судьбе через любые обстоятельства, среди которых нет ничтожных и незначительных, ибо все они обретают способность призывать нас к самосознанию. Обстоятельства даны нам, чтобы пробудить это самосознание, – не потому, что они в состоянии дать нам то, о чем мы говорили (наше бытие и событие Христа), но потому, что помогают нам открыть во плоти, осязаемым образом, что значит Христос и что значит мое существование; Господь ведет нас к судьбе через все происходящее с нами по Его воле. Поэтому «мы не должны бояться того, что Бог просит у нас через обстоятельства жизни» (*Там же*).

Господь призывает всех признать суть нашей природы: человек создан для бесконечности. Это подтверждается Откровением: все, что нам дано, существует ради нашего взросления, чтобы мы возрастали в самосознании. Следовательно, это время личности, время каждого из нас, ибо задача каждого из нас – через обстоятельства собственной жизни ответить на зов Христа. Ответить на ту или иную ситуацию или вызов невозможно, если мы не вовлекаем в действие всю свою личность. Только личность – в силу природы человеческого «я» – может устоять в окружающей нас ситуации. Необходима бескомпромиссная борьба за полноту «я», за несводимость «я» ни к одному из его фрагментов.

3. Путь уверенности

Об этом поразительным образом свидетельствует нам апостол Павел. Встреча со Христом определила его жизнь – до такой степени, что перевернула все его ценности. «Обрезание – мы, служащие Богу духом и хвалящиеся Христом Иисусом, и не на плоть надеющиеся, хотя я могу надеяться и на плоть. Если кто другой думает надеяться на плоть, то более я, обрезанный в восьмой день, из рода Израилева, колена Вениаминова, Еврей от Евреев, по учению фарисей, по ревности – гонитель Церкви Божией, по правде законной – непорочный. Но что для меня было преимуществом, то ради Христа я почел тщетою. Да и все почитаю тщетою ради превосходства познания Христа Иисуса, Господа моего: для Него я от всего отказался, и все почитаю за сор, чтобы приобрести Христа и найтись в Нем не со своею праведностью, которая от закона, но с тою, которая через веру во Христа, с праведностью от Бога по вере; чтобы познать Его, и силу воскресения Его, и участие в страданиях Его, сообразуясь смерти Его, чтобы достигнуть воскресения мертвых» (Фил 3, 3–11).

Но даже он, имевший столь ясное понимание того, Кто такой Христос, не был избавлен от тяжестей жизни – достаточно посмотреть на все, что ему пришлось пережить: «От Иудеев пять раз дано мне было по сорока ударов без одного; три раза меня били палками, однажды камнями побивали, три раза я терпел кораблекрушение, ночь и день пробыл во глубине морской; много раз был в путешествиях, в опасностях на реках, в опасностях от разбойников, в опасностях от единоплеменников, в опасностях от язычников, в опасностях в городе, в опасностях в пустыне, в опасностях на море, в опасностях между лжебратиями, в труде и в изнурении, часто в бдении, в голоде и жажде, часто в посте, на стуже и в наготе. Кроме посторонних приключений, у меня ежедневно стечение людей, забота о всех церквах» (2 Кор 11, 24–28). Невозможно читать эти строки и оставаться равнодушными! Но что проявилось в сознании апостола Павла через все события, которые он пережил? «Сокровище сие мы носим в глиняных сосудах, чтобы преизбыточная сила была приписываема Богу, а не нам. Мы отовсюду притесняемы, но не стеснены; мы в отчаянных обстоятельствах, но не отчаиваемся; мы гонимы, но не оставлены; низлагаемы, но не погибаем. Всегда носим в теле

мертвость Господа Иисуса, чтобы и жизнь Иисусова открылась в теле нашем. Ибо мы живые непрестанно предаемся на смерть ради Иисуса, чтобы и жизнь Иисусова открылась в смертной плоти нашей, так что смерть действует в нас, а жизнь в вас. Но, имея тот же дух веры, как написано: я веровал и потому говорил, и мы веруем, потому и говорим, зная, что Воскресивший Господа Иисуса воскресит через Иисуса и нас и поставит перед Собою с вами. Ибо все для вас, дабы обилие благодати тем большую во многих произвело благодарность во славу Божию» (2 Кор 4, 7–15).

Все, что ему дается, – для него, для большего познания Иисуса Христа, Его воскресения, силы Того, Кому он вверил свою жизнь. Мы видим человека, преизобилующего благодарностью, которая осознанно рождается в нем от того, что Тайна не избавила его ни от каких обстоятельств. Эти обстоятельства, которые являются частью Откровения (послания апостола Павла являются частью Откровения, это не просто истории из жизни или украшение рассказа), раскрывают метод Бога: Бог ни от чего не избавляет нас, чтобы эта безмерная благодарность возрастала. Значит, переживать жизнь как призвание, осознавая ее таким образом (осознавая, что мы несем это содержание в глиняных сосудах), – вот путь к тому, чтобы не быть подавленными тупостью и непроницаемостью нашего сознания, чтобы обретать все большую уверенность во Христе. Мы не поставим под сомнение свои «идеи» о Христе, если Он Сам не будет постоянно разрушать выстроенные нами границы, позволяя ощутить на опыте, Кем Он является.

Исход этого пути описывает сам апостол Павел: он обретает уверенность. «Если Бог за нас, кто против нас? Тот, Который Сына Своего не пощадил, но предал Его за всех нас, как с Ним не дарует нам и всего? Кто будет обвинять избранных Божиих? Бог оправдывает их. Кто осуждает? Христос Иисус умер, но и воскрес: Он и одесную Бога, Он и ходатайствует за нас. Кто отлучит нас от любви Божией: скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч? как написано: за Тебя умерщвляют нас всякий день, считают нас за овец, обреченных на заклание. Но все сие преодолеваем силою Возлюбившего нас. Ибо я уверен, что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем» (Рим 8, 31–39).

Если мы не в состоянии *преодолеть* все то, чем окружает нас ситуация, где мы призваны жить, в чем же разумность веры? Почему верить во Христа разумно? Если здесь, именно здесь, среди всего того, о чем мы говорим и чем живем, среди всех тех вызовов, с которыми нам приходится иметь дело, мы видим, что «все сие преодолеваем» в Нем (не своими силами, но «силою Возлюбившего нас»), это дает нам такую крепость, в какой никто не может с нами сравниться. Убежденность, о которой говорит апостол Павел, есть уверенность в самосознании. Кто не желает для себя хотя бы крупицы такой уверенности? Только если мы видим действие Христа в современности, то на самом деле преодолеваем все, выходим победителями. Одержат победу не значит прийти к власти. Победить – значит увидеть победу Христа, даже если мы лишены всего. Быть победителями – значит преизобиловать Его присутствием.

Поэтому нам нужно решить, где мы находим ответ на желание счастья, которое открываем в себе, будучи созданными ради бесконечности. Только так мы сможем стать соработниками миссии Церкви: «Не через упорство в прозелитизме, а через свидетельство становится очевидной красота Христа, через неугасимое желание, чтобы все люди спаслись», как недавно напомнил нам в пастырском послании кардинал Скола (A. Scola. *Alla scoperta del Dio vicino. Centro Ambrosiano, Milano 2012, p. 31*).

На примере свидетелей, подобных апостолу Павлу, мы можем увидеть, какое значение может обрести для нас Христос: даже в самых тяжелых обстоятельствах содержание нашего самосознания будет наполнять нас молчанием. Мы ощутим, что молчание – самое дорогое,

самое желанное, чему мы можем посвятить время и пространство, чему можем открыть наше сердце. Если мы не желаем этой памяти все сильнее, если не желаем молчания, чтобы уделить ей необходимое время, то мы уже повержены – мы не отнеслись всерьез к содержанию своего самосознания и тем самым вытеснили из него то, что с нами произошло, и наполнили тем, что диктует нам власть. Пребывать в молчании – значит переживать осознание Христа, быть способными думать о Христе и призывать Его.

Чтобы научиться молитве, нужно полюбить молчание, глубокое ощущение себя как человека, находящегося в пути к определенной цели – Тайне Христа. Молчание должно стать зрелым, должно становиться все более зрелым. Если мы не приходим к тому, чтобы *иным* образом совершать то, что делаем обычно, если молчание не помогает нам осознать себя и не наполняет нас (зачастую уже переполненных рассеянностью, волнениями, делами), если мы вновь и вновь не будем возвращаться к осознанию себя, то не устоим под натиском всего остального. Пребывать в молчании – значит возвращаться к осознанию собственного отношения с великим присутствием Тайны Отчей.

Только так, с сознанием о Нем, мы можем подходить ко всей реальности. То же было со слепорожденным. Ведь Иисус, даровав ему зрение, не избавил его от реальности из страха, что этот дар у него отнимется. Нет. Иисус оставляет этого человека в мире, а не избавляет от мира, – но его взгляд полон Присутствием, исцелившим его. Христос порождает «я», способное переживать реальность, как слепой, у которого достаточно простоты, чтобы признать, что раньше он не видел, а теперь видит. Его сознание определяется тем, что с ним случилось, и оно позволяет ему отвечать всем – не потому, что он стал сильнее, но благодаря простоте, позволившей ему последовать за событием, которое с ним произошло. Вот сила самосознания (и она проявилась в последнем, кто встретил Его!) – и мудрейшие из фарисеев не могли сделать ничего с человеком, обладавшим подобным самосознанием.

Обретенное самосознание позволяет нам смотреть на любые обстоятельства, как об этом свидетельствовала нам в свой смертный час наша дорогая подруга. Ее муж передал мне разговор с ней, случившийся после того, как она узнала, что ее ожидает. «Она сказала мне: “Я спокойна и не боюсь, потому что есть Иисус. Я даже уже не волнуюсь о тебе и о детях, потому что знаю, что вы в руках Иного”. – “Ты испытываешь грусть?” – спросил я. Она ответила: “Нет, мне не грустно. Я уверена в Иисусе, мне даже хочется узнать, что со мной будет, что Он готовит для меня. Может, мне и следовало бы грустить, но я не грущу. Мне лишь жаль, что твое испытание тяжелее моего”. – “Что ты говоришь такое?!” – “Конечно, было бы лучше, если бы все случилось наоборот”. И я, невероятно укрепленный чудом, которому стал свидетелем, сказал ей улыбаясь: “Это правда, особенно если подумать о детях”. Вне всякого сомнения, это был один из прекраснейших моментов наших отношений, продолжавшихся семнадцать лет (двенадцать лет брака и пять лет помолвки), – если не самый прекрасный». Столь прочная опора позволяет смотреть на все – вплоть до последнего порога судьбы.

У нас есть свидетель, который ни от чего в жизни не был избавлен, – отец Джуссани. «“Господь – сила моя, и пение мое – Господь” (Ис 12, 2). Когда мы так говорим, да не будут наш взгляд скользить с места на место, да не будет он заполнен другими вещами! Пусть, когда мы произносим эту фразу, в наших глазах будет присутствие Христа, Который есть истина всего, что находится здесь, конечная истина всего того, что здесь есть: “Все Им стоит”. <...> “Сила моя”, а потому – орудие битвы, и “пение мое”, что значит – моя услада, пребывающая со мной в бою, та, что вовлекает меня в сражение и поддерживает в борьбе, длится ли она час или сто дней. А есть и такая битва, что длится всю жизнь. Пусть в моей жизни всегда присутствует Христос! Вот что обещает нам наша дружба: помогать расти, продвигаться вперед, идти вперед с памятью об этом, о благой Боже! Она обещает нам, что в

любой борьбе – в любой момент борьбы, на всем протяжении жизни, которая может и полностью состоять из борьбы и изнеможения, – мы будем все больше проникать в это “Ты”, потому что “Ты” – это Его присутствие в настоящем: “Сила моя и пение мое – Ты”. Пусть же это “Ты” будет Его ликом, Его именем. Имя есть присутствие в его величии и убедительности, силе и нежности» (L. Giussani. *L'attrattiva Gesù*. Bur, Milano 1999, pp. 184–185).

Неотрывно взирая на Его присутствие, мы можем подготовиться к 11 октября, когда вместе со всей Церковью войдем в Год веры, который Папа пожелал объявить, чтобы «вновь осознать и принять этот драгоценный дар – веру, чтобы глубже познать те истины, которые питают нашу жизнь, чтобы привести сегодняшнего человека, блуждающего в потемках, к обновленной встрече с Иисусом Христом, Который есть путь, жизнь и истина» (Выступление перед Ассамблеей Итальянской конференции епископов).